

Из записок по поэзии грамматики: о переносных залогах Пастернака¹

А.К. Жолковский
УНИВЕРСИТЕТ ЮЖНОЙ КАЛИФОРНИИ

- (1) Femina praeferrī potuit tibi nulla, Lycori:
praeferrī Glycerāe femina nulla potest.
haec erit hoc quod tu: tu non potes esse quod haec est.
tempora quid faciunt hanc volo, te volui.
Martialis, VI, 40

Букв. Никакая женщина не могла предпочесть тебе, Ликорида. Предпочесть Гликере никакая женщина не может. Она будет тем, что [есть] ты; ты не можешь быть тем, что [есть] она. Что делают времена! Ее желаю, тебя желал. (Марциал, VI, 40)

- (2) Все наклоненья и залоги
Изжеваны до одного (555)².
- (3) И полночь в бурьян окунало (135)
- (4) И, не готовый ни к чему такому,
Я третьим затесался в tête-à-tête (341)

¹ Перевод с англ. А.А. Шевченко, с уточнениями автора. Статья была опубликована в 1984 г. в специальном выпуске *Russian Linguistics*, посвященном 50-летию А.А. Зализняка (*Russian Linguistics (special Zalizniak issue; W. Lehfeldt guest ed.)*, 9 (1985), 375-386); на русском языке публиковалось резюме статьи в составе работы: «О трех грамматических мотивах Пастернака» // *Быть знаменитым некрасиво... Пастернаковские чтения. I* / Ред. И.Ю. Подгаецкая. М., 1992. С. 55-66.

² Цифры в скобках после цитат отсылают к страницам **Пастернак 1965**, кроме цифр, превышающих 600, которые относятся к **Пастернак 1959**.

Каламбур Марциала по поводу хода времени и его грамматического выражения – ранняя формулировка мощного потенциала поэзии грамматики. Обращение с грамматическими временами, как и наклонениями, у Пастернака (далее П.) – интереснейшая тема³, но я ограничусь рассмотрением его «поэзии залога». В вопросе о стилистических инвариантах главное – это определить их место в поэтическом мире автора, описав их в тех же терминах, что и мотивы предметной сферы, – как воплощения более абстрактных инвариантов поэта, каковые, начиная с некоторого уровня, должны быть единичными для обеих сфер⁴. Если картина полночи, окунаемой в бурьян загадочным третьим действующим лицом, свидетельствует об интересе поэта к категории залога, то вторжение незваного третьего в интимное свидание двоих являет собой поучительный предметный аналог этого металингвистического интереса.

1. Вовлечение третьего участника

Типы и способы вовлечения. Большинство примеров, о которых пойдет речь, представляют такой тип тропа/залога, который можно назвать ‘вовлечением третьего участника’ (ВТУ). Это троп потому, что втягивание остается переносным; залог — потому, что меняется число и/или порядок актантов предиката; а третьим участник оказывается потому, что в реальный двусторонний контакт вовлекается дополнительный партнер. Но и без тропов этот тип ситуации очевидным образом присущ поэтике П.

Пастернаковский мир насыщен интенсивными взаимодействиями. Даже самые интимные занятия – еда, любовь, творчество – открыты миру и рады непрошеным посетителям⁵. Проникая через окна или каким-то иным образом, вновь прибывшие вступают в сложные трех- (или более) сторонние отношения с уже сплетенными в контакте партнерами. Одержимость поэта такими треугольниками сказывается на его грамматике и тропике, так что чисто предметные примеры типа *третьим затесался в tête-à-tête* являются скорее исключениями. Иногда знаменующее переносность *как бы* применяется лишь для усиления уже существующих предметных контактов, ср.:

(5) *И можно слышать в коридоре, Что происходит на просторе, О чем в случайном разговоре С каплейю говорит апрель* (445).

Ситуация (5) даже за вычетом воображаемого разговора между *апрелем* и *каплейю* и его темы (*о чем*), включает кого-то [= партнера N1], кто слушает [= предикат контакта] в коридоре [= N2] звуки капли [= N3] за окном [= N4] в апреле [= N5]. Но чаще всего многосторонние контакты создаются благодаря применению тропов.

³ Об оригинальном использовании Пастернаком будущего времени см. **Жолковский 1984б**.

⁴ О понятиях инвариантного мотива, и предметной и стилистической сфер см. **Жолковский 1984а**.

⁵ См. **Жолковский 1984а: 147-149**.

Для повышения связности изображаемого П. раздвигает границы читательского воображения и русской грамматики. Хрестоматийно неправильные сочинительные связи типа

(6) *Шли дождь и два студента*

для П. были бы образцом связности, ср.

(7) *Он шел с небольшою толпой облаков* (626),

где игра слов соединяет в одной предикатной формуле идущего по земле человека (Иисуса) и движущиеся по небу облака.

Наряду с игрой слов П. охотно прибегает и к другим видам вербальной связи, в частности, аллитерациям и паронимиям, ср. классические *шлюзы/жалюзи* (150), а в (7) *шел/небольшою* и *толпой/облаков*, где аллитерация подкрепляет игру слов.

Если предметные и вербальные связи являются крайними полюсами пронизанной контактами поэтики П., то промежуточную между ними зону занимают связи переносные, задающие воображаемые, но вполне убедительные семантические контакты между партнерами. Так, в (7) за аллитерациями и лексическими совпадениями стоят более фундаментальные, хотя и очевидные отношения смежности (человек и облака составляют часть одного пейзажа) и сходства (оба находятся в движении).

«Нормальное» ВТУ включает два объекта, располагающихся «здесь» и находящихся в тесном предметном контакте друг с другом, плюс, казалось бы, не имеющий к ним отношения удаленный третий объект, который затем с помощью тропов вчитывается в эту картину.

(8) (a) *Сиренью моет подоконник Продрогший абрис ледника* (106);

(b) *Бывало раздвинется запад... И примется хлопьями цапать, Чтоб под буфера не попал* (70);

(c) *Сестра моя - жизнь и сегодня в разливе Расшиблась весенним дождем обо всех* (112).

Абрис ледника представлен присоединяющимся к задеванию сирени за подоконник и даже вызывающим этот контакт; аналогичным образом, *запад* подключается к контакту между снежными хлопьями и лирическим субъектом; а *сестра моя – жизнь* предстает в роли некой полуабстрактной причины всеобщего попадания под дождь.

Но инициатива не всегда исходит извне: «здешнее» братание партнеров может вовлекать какие-то далекие «тамошние» сущности (см. (9)); не является обязательной и топографическое распределение: «контактирующая пара «здесь» – единичный партнер там» (см. (10)).

(9) (a) [Поэт...] *таянье Андов вольет в поцелуй* (149);

(b) *Губы и губы на звезды выменивать* (123);

(10) *И тут тяжелел обожанья размах... И располагался росой на полях* (104).

В обоих примерах в (9) влюбленные «действительно» целуются и переносно вовлекают в свои поцелуи далекие тающие Анды и звезды, а в (10) «здешнее» *обожанье* примысливается к выпадению росы «там».

Собственно, даже сама структура 1+2 представляет собой упрощение; как можно видеть из **примечания 5** и нижеследующих примеров, ключевая цифра 3 часто является результатом взаимоналожения нескольких пар.

(11) (a) *Крыльцо б коснулось сонной ветвью их* [плеч любимой] (176);

(b) *И дым над изголовьем Бежит за пассажиркою по лестницам витым* (294);

(c) *Меж строк и как-то вскользь Стучала трость по плитам тротуара* (232).

Порождение ситуации (11a), в которой переносное описание событий состоит в типично залоговой передаче роли подлежащего от активного одушевленного участника (женщины) пассивному неодушевленному (*крыльцо*), ср. (11a`):

(11a`) ‘ветвь нависает над крыльцом’ + ‘любимая вступает на крыльцо’ + ‘любимая задевает за ветвь’ => ‘крыльцо касается ее/ ее плеч ветвью’.

Схожее и даже более изобретательное взаимоналожение нескольких пар лежит в основе (11b): три отдельных контакта (‘пассажирка на полке вагона’ + ‘дым паровоза недалеке от вагонов’ + ‘дым, окутывающий лестницу над головой [когда паровоз проезжает станцию]’) соединены в картину ‘дыма, гоняющего женщину вверх и вниз по лестнице’⁶. А в (11c) две реальные пары – это ‘стучащая по тротуару трость Бальзака’ и ‘размышления Бальзака [о сочиняемых им строках]’, однако полный вывод этого фрагмента должен был бы учесть также: временное совпадение/ чередование размышлений и постукивания; каламбуры (на словах *меж строк* и *вскользь*), а возможно, и гоголевский интертекст (осознание Акакием Акакиевичем, что он находился *не на середине строчки, а... на середине улицы*)⁷, стоящие за всей этой переносной конструкцией.

Употребляя выше заковыченные слова «здесь», «там», «расстояние» и т. п., я имел ввиду постоянно подразумеваемую пространственность всех контактов и партнеров. Для П. в высшей степени характерна специализация абстрактных сущностей. Наряду с очевидно пространственными партнерами (*простором, облаками, крыльцом, тротуаром* и т. д.), в пространственные отношения у него вовлекаются временные явления (*полночь, апрель*), физические процессы (*капель, таяние*), эмоциональные состояния (*обожанья размах*), фи-

⁶ Во вполне допустимом альтернативном прочтении примера (11b) фигурировали бы не реальные, а воображаемые лестницы, образуемые кольцами дыма, и нашел бы себе естественное место их витой рисунок.

⁷ У Гоголя в предыдущем предложении даже есть слово *тротуар*.

лософские категории (*жизнь*) и еще менее конкретные сущности, пространственный/физический характер которых еще более сомнителен, ср.:

- (12) (a) *Смотри: и рек не мыслит врозь существованья ткань сквозная* (370);
 (b) *Кто коврик за дверьми Рябиной иссурьмил... ?* (150);
 (c) *Кто мой испуг изобразит росе...?* (208);
 (d) *А поперек, на голый лед, Как зеркало на подзеркальник, Поставлен черный небосвод* (399);
 (e) *И в обе оконницы вставят по месяцу* (108);
 (f) См. (3).

Как легко видеть, где веер воображаемых третьих участников включает пан- и монотеистических агентов (12a,b), а также чисто риторических (12c,d) и гипотетических субъектов действия, привносимых в описываемое некоторыми формами русского залога (12d-f).

Переносные залоговые и поэтический язык Пастернака. ВТУ столь характерно для П., потому что является концентрированным выражением его основных тем и приемов. В основе системы пастернаковских тропов и его обращения с языком лежат следующие четыре принципа.

(i) Поэтика П., «[которой] управляет метонимия, размывает контуры предметов», усиливая «взаимопроникновение объектов» (Якобсон 1987: 332) и ощущение того, что «действительность слитна», а «отдельность предметов порождена языковыми схемами», и «поэтому текст строится как... подмена языковых функций. Так, вместо: *оплыла свеча* появляются *оплывает печать... оплывающая книга*⁸. Стихи... полностью преодолевают разделенность *книги* и *свечи*. Из отдельных “вещей” они превращаются в грани единого мира» (Лотман 1969: 226).

(ii) Благодаря метонимиям, пастернаковского «героя трудно обнаружить»; «как в фокусах иллюзионистов», он «рассыпается на ряды деталей и подробностей, замещается цепью собственных объективированных состояний или действительных объектов — одушевленных и неодушевленных, — которые его окружают.» Его «активность ускользает от нашего восприятия, действие заменяется топографией... Актив изгнан из поэтической грамматики Пастернака... *Агент* ... исключен из тематики... Если лирическому «я» Пастернака принадлежит роль пациента (лица претерпевающего), то, быть может, настоящий, активный герой является в третьем лице? Активный герой остается абсолютно внешним. Он ускользает из поэтического мифа Пастернака... В сочинениях Пастернака третье лицо... обозначает не деятеля, но орудие действия» (Якобсон 1987: 334-335). Таков лингвистический аналог не по-романтически скромного самоуничижения лирического героя.

⁸ Лотман проанализировал незаконченный ранний фрагмент, существующий в нескольких вариантах (см. Пастернак 1969): *Как читать мне? Оплыли слова Ах, откуда, откуда сквозжу я В плосках строк разбираю едва Гонит мною страницу чужую.*

(iii) Но интерес П. к залогу не ограничивается пассивами и инструментальными конструкциями: он стремится «изжевать» все подобные грамматические ресурсы русского языка вплоть до безличных (ср. *вставят* в (12e) и *окунало* в (3)). Выражаясь в философских терминах, мир П., хотя и фрагментированный, пассивный и обезличенный, не лишен организующего присутствия перводвигателя: он писал, что «воспринимал... реальность», как нечто, что «полощется... на каком-то невещественном, неведомом и непознаваемом ветру», «как внезапное, дошедшее до [него] послание, неожиданное пришествие, желанное прибытие» (Пастернак 1990: 364-365). Это «ощущение прибытия» выражается в таких мотивах, как «проницаемость пространства», «контакт между далекими партнерами» и «нематериальные сущности, ведущие себя подобно физическим телам».

(iv) Мир П. отнюдь не является размытым, вялым или статичным, он пронизан мощной энергией, буйной до разрушительности, его сотрясают столкновения гигантских, часто громоздких величин и т. д. В плане грамматики это предрасполагает к использованию суперлативов, восклицаний, множественного числа и т. д., а в синтаксисе – к тяжелым, переусложненным конструкциям.

Названные четыре принципа – кубистическая установка на метонимию и взаимопроникновение предметов, деромантизирующее слияние лирического субъекта с *каждой малостью*, эманация из далеких источников неких духовных и энергетических посланий и ошеломляющая насыщенность бытия – складываются в очень связную, типично пастернаковскую картину мира, охваченную великолепием и единством. Эти инварианты многообразно связаны друг с другом, в частности, своим очень определенным залоговым потенциалом. Действительно, метонимические сдвиги, рассмотренные Якобсоном и Лотманом, можно понимать как своего рода неологизмы, точнее неограмматизмы в области залога. Преобразования, благодаря которым «книга, освещенная оплывающей свечой», становится «оплывшей книгой», сродни правилам, задающим трансформации типа:

(13) *Он продал ему книгу – В этом магазине продаются русские книги – Магазин покупает и продает русские книги – Книга была продана ему в прошлом году молодым продавцом – Эту книгу ему продали в этом магазине в прошлом году – В этом году книга хорошо продается – Прошлогодние показатели книготорговли были высокие – Для книготорговли это был неплохой год – Прошлый год ознаменовался резким скачком в торговле русскими книгами – ...*

Метонимический характер залоговых преобразований, состоящих, грубо говоря, в перестановке зависимых вокруг предиката, особенно очевиден в случаях стирания границ между актантами и сирконстантами (обстоятельствами времени, места и т. д.). Ср., например, выдвижение не только книжного магазина, но даже и *прошлого года*, на роль подлежащего, опирающееся на широко распространенную в языке стертую метонимию, которая лежит в основе целого ряда грамматически вполне правильных залоговых преобразований:

- (14) (a) *Когда он приехал в Москву, шел дождь – Москва встретила его дождем;*
 (b) *Когда становилось холодно, люди жались к костру – Холод сгонял людей к костру;*
 (c) *В октябре в Москве начались дожди – Октябрь принес в Москву дожди.*

Типично пастернаковские эффекты достигаются путем эксплуатации именно таких правил, и различия между «нормальными» и «поэтическими» употреблением переносных залогов нередко смазывается, ср.:

- (15) (a) *Незванная, она внесла, во-первых, Во все, что случилось, вкус больших начал* (371);
 (b) *В его залив вкатило время Все, что ушло за волнолом* (381);
 (c) [Ветер] *Завешивал рубахами брандмауэр И каменщиков гнал за флигеля* (327);
 (d) *Мело, мело, метель костры лизала, Пигмеев сбив гигантски у костра* (340);
 (e) [Дагестан] *Так и рвался принять машину Не в лязг кинжалов, так под дождь* (346);
 (f) *И будто вороша каштаны, Совком к жаровням в кучу сгреб Мужчин — арак, а горожанок —Иллюминованный сироп* (106);
 (g) *И март разбрасывает снег На паперти толпе калек* (602).

Или, возвращаясь к лотмановскому примеру:

- (16) *Я читаю книгу при свете оплывающей свечи – Я читаю при оплывающем свете – Я читаю оплывиую книгу – Я оплываю за чтением книги - ...*

Граница эта определяется условностями русской грамматики и П., не удовлетворенный «изжеванными» наличными залогом, создал собственный поэтический язык, позволяющий практически любые подобные преобразования – чтобы получить возможность нагромоздить друг на друга кучу слов и предметов, низвести субъекта из его привилегированной роли и обозначить прибытие далекой вести.

2. Структура переносных залогов

Формальное описание пастернаковских переносных залогов складывается из характеристики соответствующих реальной и вымышленной ситуаций контакта, связывающих их трансформаций и делающих эти трансформации убедительными мотивировками.

Реальные и воображаемые ситуации. Говоря о вовлечении в контакт некоего нового, третьего участника, мы подразумеваем различие между исходной реальной ситуацией (РС), например, 'ветка сирени касается подоконника, вдали ледник', и получающейся из нее воображаемой ситуацией (ВС), напри-

мер, 'взаимодействие ледника, веток и подоконника'. ВС, как правило, четко прописана в тексте, а РС требует реконструкции, иной раз проблематичной, например, когда РС восстанавливается неоднозначно (ср. альтернативное прочтение ситуации (11b) в **примечании 6** и недостоверность обоих прочтений).

Идея втягивания нового участника предполагает, что наряду с парой явно контактирующих партнеров в РС есть потенциально невовлеченный участник. Поскольку он, таким образом, присутствует где-то в окружающем пространстве (хотя бы в виде мифического «Оно»), часто виднеясь где-то вдали (как ледник в (8a)), а то и располагаясь по соседству (ср. крыльцо в (11a)), постольку необходимым оказывается понятие 'Нулевого контакта', подлежащего переносному переосмыслению в полноценный. 'Нулевой контакт', фиксирующий сопричастие, но не участие в контакте, следует отличать от ситуации принципиального контактного 'нахождения рядом', – одного из характерных инвариантов П., ср. *Ты здесь, мы в воздухе одном* (366). Кроме того, для таких примеров, как (12d-f), возможно, следует ввести понятие повсеместного нулевого присутствия безличного «Оно».

Особый подтип 'Нулевого контакта' – отношение между предметом и его частью или свойством; хотя сама эта связь по определению является довольно сильной, она настолько самоочевидна, что практически не воспринимается как отдельный контакт. Соответственно, когда в качестве третьего участника привлекается подобный элемент, грамматически это означает превращение в самостоятельный актант бывшего зависимого (несогласованного определения), при одном из актантов. Ср.

- (17) (a) *Они [цветы] росой оттягивают мочки* (210);
 (b) *Смел прусаков с сиденья табурет* (333);
 (c) *Ты [гроза]... гром прокатаешь по оврагам* (213);
 (d) *Пронзительных иволог крик и явление Китайкой и углем желтило стволы* (355).

Производимый в таких случаях эффект похож не столько на «втягивание», сколько на «вытягивание» скрытого внутреннего участника: мочек цветов; сиденья табурета; грома – компонента грозы; и наконец черно-желтого цвета иволог.

Теперь мы можем сформулировать условия, налагаемые на реальные и воображаемые ситуации в разных типах переносных залогов. **В частности, ВТУ определяется как такой переносный залог, в котором ВС является трехместным контактом, тогда как в РС трехместные контакты отсутствуют, все партнеры связаны хотя бы 'Нулевыми контактами' и двое участников РС находятся в ненулевом контакте.**

Операции. Преобразования реальных ситуаций в вымышленные (в ВТУ и других «залогах») делятся на три основные группы: правила, увеличивающие мощность предиката (т. е. число его актантов); правила, уменьшающие его мощность; и правила, иным образом изменяющие соотношения предиката с его актантами без изменения их количества – путем их перестановок или повышения интенсивности самого предиката.

‘Увеличение’ может быть достигнуто либо ‘Добавлением’ новых актантов, т. е. втягиванием (или вытягиванием) третьего участника (как в (8) и (17)), либо ‘Расщеплением’ наличных актантов на два, как в альтернативном прочтении (11b), где дым является одновременно и преследователем, и лестницей; ср. также

(18) (a) *По улицам шеренгой куцых карлиц Бульвары тянут сумерки свои* (376);

(b) *... Литейного, лентой рулетки Раскатывающего на роликах плит Во все запустенье проспекта Штиблетную бурю толпы* (230);

где в каждом случае одна и та же сущность – ‘улица’ – фигурирует дважды: как субъект (*бульвары; Литейный*) и как объект (*по улицам; во все запустенье проспекта*).

Среди операций, уменьшающих мощность предиката, отметим ‘Опущение’ актантов (операцию, обратную к ‘Добавлению’), ср. устранение объекта чапания в (8 b) и аналогичные ‘опущения’ в (19):

(19) (a) *Ивы нависли, целуют в ключицы* (123);

(b) *Бульвар... скамью дождем растительным кропит* (309);

(c) *Когда ж мы ночью лампу жжем И листья, как салфетки, метим...* (367).

В (19a) опущены целуемые персонажи, в (19b) – деревья, сбрасывающие листья, и в (19c) – свет, оставляющий метки.

Другая уменьшающая операция – ‘Слияние’ двух актантов из РС в один актант ВС (операция, обратная к ‘Расщеплению’). Чисто техническое ‘Слияние’ имеет место каждый раз, когда предикаты РС имеют общие аргументы, каждый из которых, конечно, лишь однажды участвует в ВС, например, *крыльцо, плечи любимой и ветка* в (11a). С поэтической точки зрения интереснее ‘Слияние’ путем переносного приравнивания различных сущностей, результатом чего в ВС становятся двойные актанты, ср.

(20) (a) *И бритве ветра тучи гриву Подбрасывает духота* (206);

(b) *Луч солнца, как лимонный морс, Затек во впадины и ямки И лужей света в льдину вмерз* (472);

(c) *Это вечер из пыли лепился и, пышучи, Целовал вас, задохшийся в охре пыльцой* (154).

Обратим внимание на различные степени ‘Слияния’: в (20a) два из трех актантов являются двойниками (*ветер/ бритва; туча/ грива*); в (20b) имеется один подобный гибрид (*лужа света*, т. е. ‘растаявшая и вновь замерзшая часть льда’/ ‘порция солнечного света’); а в (20c) один из компонентов двойного актанта (*пыльца/ губы* [лирического «я»]) не столько назван, сколько подразумевается, представляя характерный случай комбинации ‘Слияния’ с ‘Опущением’.

Среди операций, изменяющих соотношение актантов с предикатом, наиболее «залоговой» является ‘Перестановка’, инвертирующая «нормальный» порядок актантов при предикате и часто служащая понижению реального субъекта в ранге в пользу одного из более периферийных актантов:

- (21) (a) *проселок влек Колеса по песку в разлог* (237);
 (b) См. (18b).

В обоих случаях дорога (*проселок*; *проспект*) становится подлежащим, в то время как статус действительно движущихся субъектов (толпы/ ее обуви; вагона/ колес) понижаются – до уровня пассивных объектов.

Другой операцией этой группы является ‘Интенсификация’ самого контакта, без изменения числа или порядка актантов. Ср.

- (22) (a) *Скользит, задевая парами за ивы Захлебывающийся локомотив* (215);
 (b) *потолок Тацил второй этаж на третий* (238);
 (c) *Топить мачтовый лес в эфире...* (153).

В (22a) ВС состоит в том, что локомотив не просто касается деревьев своим дымом (такова РС), но и задевает за них, как если бы дым был чем-то твердым; в (22b) воображаемым энергичным *тацил* заменено статичное реальное ‘соседство’; в (22c) *топил* – более сильный вариант реальной проекции деревьев на фон неба. ‘Интенсификация’ и ‘Перестановка’ часто сочетаются, ср.

- (23) *Там белкою кидался в пихту кедр* (336),

где агенс (*белка*) понижается в статусе до инструмента (РС = ‘белка перепрыгивает с дерева на дерево’), а мирное прыганье усиливается до агрессии.

Перечисленные операции (и их подтипы) существенно различны по производимым ими эффектам. ‘Добавление’ (втягивание или вытягивание) и ‘Расщепление’, будучи вариантами ‘Увеличения’, повышают одновременно связность и громоздкость структуры, но различаются по экстра-/интравертности. Операции, уменьшающие мощность предиката, не ведут к нагромождению, зато они повышают связность, в частности, четкость сопоставления разнородных сущностей. И наконец, ‘Перестановки’ и ‘Интенсификации’ работают на эффект метонимического переопределения контактов, в частности, на повышение статуса слабых взаимодействий.

Эти выразительные эффекты вступают в те или иные взаимодействия друг с другом, когда элементарные операции складываются в сложные конструкции, образуя собственно пастернаковские залого. Например, ВТУ, предполагающее переход от двухместного предиката к трехместному, обязательно использует ‘Добавление’, часто прибегает к ‘Перестановкам’ и ‘Интенсификациям’ и может включать ‘Опущение’ (в случаях, когда мощное ‘Увеличение’ привело к избытку актантов). Другие сочетания элементарных операций имеют своим результатом другие переносные залого.

Мотивировки. Переносные залоговые конструкции у П. очень органично благодаря тому, что они сродни всей структуре его поэтического мира. На самом общем уровне они находятся в согласии с четырьмя лежащими в его основе принципами: контактом, понижением статуса, эманацией силы и нагромождением. На уровне глубинных инвариантов залоговые конструкции часто связаны с такими пастернаковскими мотивами, как 'зловещее' (ср. дым, преследующий женщину в (11b)), контакт между материальным и нематериальным (ср. окунание полуночи в бурьян и др.⁹). На более конкретных уровнях использование залоговых тропов поддерживается: фонетическими сходствами; морфологическими двусмысленностями (в частности, многозначностью творительного падежа); синтаксическим единством предложений и синтаксическими двусмысленностями (в частности, длинными нанизываниями однородных номинативных конструкций, затемняющих структуру); лексическими неоднозначностями – каламбурами, паронимиями, игрой слов; семантическими сходствами между различными компонентами РС (общими актантами и другими общими свойствами); и различными модальностями, которые дают переносный эффект с меньшей категоричностью, делая его более приемлемым (ср. сослагательное *б* в (11a); вопросы в (12b,c); модальное выражение *так и рвался* в (15e); будущее время *прокатишь* в (17c); и отрицания, например, в *Вот путь перебежал плотину, На пруд не посмотревши вбок* (466).

Помимо таких общих и внешних мотивировок важен тип переносной связи, устанавливаемой между РС и ВС. Часто связь является чисто метонимической: переносный предикат заимствуется и залоговым образом развивается из РС таким образом, чтобы покрыть остальные смежные с ним предикаты и актанты. Например, в (7) движение облаков находит себе место в модели управления глагола, описывающего человеческую ходьбу, 'X идет с Y по Z к Q...', где в роли Y выступает такой неожиданный спутник, как *облака*. А в (11a) основной предикат 'X притрагивается к Y с помощью Z' поставляется женщиной, задевающей за ветки плечами, но передается крыльцу, сводя воедино всех трех участников (плечи, ветку, крыльцо).

Хотя в чисто метонимических тропах все строительные материалы с самого начала присутствуют в РС, переносный скачок может, тем не менее, оказываться довольно неожиданным, благодаря разнородности сводимых вместе объектов. Так, в (20c) втягиваемые в ВС дополнительные актанты *вечер* и *пыльца*, будучи подставлены в трехместную формулу 'X целует Y с помощью Z', индуцированную целующимися за кадром влюбленными, подвергаются эффектному опредмечиванию; ср. также в (15f) 'сгребание совком', перенесенное с каштанов на людей, собравшихся вокруг жаровен.

В большинстве случаев метонимия дополняется метафорой. Это вполне очевидно, когда для того, чтобы мотивировать ВС, в ситуацию привносятся новые и совершенно неожиданные предикаты, отсутствующие в РС (т. е. на оси смежности и потому черпаемые с оси сходств); ср. случаи с привлечением бритвы и гривы, никак не представленными в описываемом пейзаже в (20 a),

⁹ О мотиве зловещего у П. см. **Жолковский 1984b**, о встрече крайностей: **Жолковский 1984a: 140**.

‘разматывание рулетки’ в (18b) или ‘утопание деревьев в небе’ в (22c). Но метафорический элемент может быть и менее выраженным, как в (22a), где выдана реальное ‘обволакивания дымом’ за воображаемое ‘задевание дымом’ подразумевает некое неопределенное отвердение дыма.

Разумеется, общефутуристическая установка П. на смежность и его собственная – на рассредоточение субъекта в окружающем – скрадывают присутствие метафорических персонажей. Поэтому даже когда такое присутствие очевидно, ср., например,

(24) *Тенистая полночь стоит у пути, На шлях навалилась звездами* (135),

конкретные формы вымышленной фигуры остаются достаточно неопределенными (должны ли мы представить себе женщину, навалившуюся на дорогу звездами, как грудью?; ср., напротив, отчетливость метафорических удвоенных в (20a) *И бритве ветра тучи гриву Подбрасывает духота*). Не следует, однако, преувеличивать и отгаликивание П. от метафоры. Вспомним такие вполне наглядные сравнения, как ‘солнце/пьяница’ и ‘пейзаж/брадобрей’ в

(25) (a) *Солнце садится, и пьяницей Издали, с целью прозрачной Через оконницу тянется К хлебу и рюмке коньячной* (486);

(b) *Похоже, огромный, как тень, брадобрей Мокает в пруды дерева и ограды И звякает бритвой об рант галерей.* (98).

Так, в (25b) простое двухместное отражение деревьев и оград в пруду превращено в трехместное и более интенсивное макивание с помощью вполне ясно очерченного образа пейзажа – брадобея. Его символистско-сюрреалистическая природа особенно очевидна по сравнению с отсутствием конкретного подобного субъекта в другой бритвенной ситуации (20a).

3. Вместо заключения

В этих предварительных замечаниях о переносных залогах Пастернака до сих пор не затронутой оставалась диахрония. В качестве символической дани релевантности этой темы¹⁰ намечу разбор классической строчки Фета, поэта, на Пастернака явно повлиявшего:

(26) *Что оно [солнце] горячим светом По листам затрепетало.*

¹⁰ Попытки структурной диахронии поэтики П. см. **Нильссон 1978**, **Ливингстоун 1978**, **Жолковский 1985**. Эволюция стилистического инварианта (например, переносного залога типа ВТУ) по мере эволюции всей поэтики П. (обычно члененой на три периода) требует специальных исследований.

Порождение структуры семантически оригинальной и вполне пастернаковской ВС

(27) солнце затрепетало по листьям горячими лучами

может быть представлена следующим образом:

(28) РС: солнце осветило листья своими лучами и в то время как [= 'Нулевой контакт'] листья трепетали на ветру.

После 'Перестановки' актантов одного из предикатов:

(29) Листья затрепетали на ветру => Ветер затрепетал на листьях,

два предиката подвергаются взаимоналожению путем сложной операции, включающей 'Добавление', 'Слияние' и 'Интенсификацию' (воздействия *солнца на листья*). Результатом этого является ВС' (30):

(30) *Солнце/ ветер осветило)/ затрепетал(о) на листьях своими лучами,

что, после 'Опущения' 'ветра' из двойного субъекта, а 'освещения' из двойного предиката даст ВС (27) = (26). Этот чисто метонимический троп не является случаем ВТУ, так как в его основе с самого начала (т. е. в РС) лежит сочетание трехместного и двухместного контактов, а в итоге (в ВС) получается трехместный контакт. Однако примененная тропика повышает связность изображаемого пейзажа (взаимодействия света, ветра, листьев, температуры и физических контактов) во многом так же, как это систематически осуществляется переносными залогами Пастернака.

Литература

Жолковский, А. 1984a – A. Zholkovsky. *Themes and Texts: Toward a Poetics of Expressiveness*. Ithaca and London: Cornell UP.

Жолковский, А. 1984b – A. Zholkovsky. The "sinister" in the poetic world of Pasternak / *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 29: 109-131.

Жолковский, А. 1985. Механизмы второго рождения: О стихотворении Пастернака «Мне хочется домой, в огромность...» / *Синтаксис* 14: 77-97

Ливингстоун 1978 – A. Livingstone. 'Pasternak's Last Poetry' / Pasternak. A Collection of Critical Essays. Ed. Victor Erlich. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. P. 166-175.

Лотман, Ю. М. 1969. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста / *Труды по знаковым системам*, 4. Тарту: ТГУ. С. 206-238.

Нильссон 1978 [1959] – N. A Nilsson. 'Life as ecstasy and sacrifice: Two poems by Boris Pasternak' / Pasternak. A Collection of Critical Essays. Ed. Victor Erlich. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. P. 51-67.

Пастернак, Б. 1959 – *Доктор Живаго*. Societé d'Edition et d'Impression Mondiale.

Пастернак, Б. 1965. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель.

Пастернак, Б. 1969 – Первые опыты Бориса Пастернака. Публикация Е. В. Пастернак / *Труды по знаковым системам*, 4. Тарту: ТГУ. С. 239-281.

Пастернак, Б. 1990 [1960]. [Письмо] Ст. Спендеру. *22 августа 1959 г.* / Борис Пастернак об искусстве. Сост. Е. Б. и Е. В. Пастернак. М.: Искусство. С. 362-365

Якобсон, Роман 1987 [1935]. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р. О. Якобсон. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324-338.